

Рецензируемая книга – это сборник статей, большинство из которых было представлено на конференции «New horizons in the grammar of raising and control» («Новые горизонты в грамматике подъема и контроля»), состоявшейся в 2005 году в Гарвардском университете. Все статьи сборника посвящены вопросам анализа так называемых «конструкций с контролем» и «конструкций с подъемом».

Еще на ранних этапах развития порождающей грамматики было предложено различать два типа конструкций с инфинитивными дополнениями: конструкции с контролем (*control constructions*) и конструкции с подъемом (*raising*), см. [Rosenbaum 1967; Postal 1974] и множество последующих работ. Несмотря на поверхностное сходство этих типов конструкций, для них постулировались разные синтаксические структуры и разные деривации. Ср. следующие примеры из английского языка:

(1) John seemed / appeared to have won the competition.

Казалось, что Джон выиграл соревнование.

(2) John tried / wanted to win the competition.

Джон пытался / хотел выиграть соревнование.

Пример (1) иллюстрирует конструкцию с подъемом аргумента в позицию субъекта вершинной клаузы, а в предложении (2) представлена конструкция с субъектным контролем. В литературе по синтаксису был выделен ряд свойств, различающих эти два типа конструкций. Так, вершинные предикаты типа (2), но не предикаты типа (1) накладывают семантические (селективные) ограничения на субъектную именную группу:

(3) The book seemed to have fallen from the shelf.

Казалось, что книга упала с полки.

(4) #The book tried to fall from the shelf.

#Книга попыталась упасть с полки.

Как видно из примеров (3) и (4), предикат *seem* допускает неодушевленный субъект, в то время как предикат *try* накладывает на свой субъект селективное ограничение: субъект должен быть волитивным.

Далее, только предикаты подъема, но не предикаты контроля допускают эксплетивные местоимения в позиции субъекта:

(5) It seemed / appeared to rain.

Казалось, что идет дождь.

(6) *It tried / wanted to rain.

Кроме того, только в конструкциях с подъемом допускается, чтобы именная группа, занимающая позицию субъекта, получала идиоматическую интерпретацию совместно с инфинитивной клаузой:

(7) The cat seemed to be out of the bag.

Казалось, что кошка вылезла из мешка.

(буквальное прочтение)

Казалось, что секрет раскрылся. (идиоматическое прочтение)

(8) The cat tried to be out of the bag.

Кошка старалась вылезти из мешка.

(буквальное прочтение)

*Секрет старался раскрыться. (идиоматическое прочтение)

Существуют и другие тесты разной степени универсальности, позволяющие отличить конструкции с подъемом от конструкций с контролем: изменение / сохранение значения при пассивизации зависимой клаузы, поведение клитики *en* во французском языке (см. [Ruwet 1972]), поведение рефлексива *si* в итальянском (см. [Rizzi 1986]), сохранение / несохранение неструктурного падежа у поднятой именной группы в исландском [Zasnen et al. 1985] и др.

Эти различия между глаголами типа (1) и глаголами типа (2) получили следующее объяснение в рамках теории управления и связывания (см. [Chomsky 1981]). Этот анализ можно назвать «классическим».

В конструкциях типа (1) (т. е. в конструкциях с подъемом аргумента) исходной позицией субъектной именной группы (в данном случае это именная группа *John*) является аргументная позиция в зависимой клаузе, где эта именная группа получает семантическую роль и откуда она перемещается в позицию подлежащего инфинитивной клаузы. Однако эта именная группа не может получить падеж в рамках инфинитивной клаузы, и поэтому она поднимается в позицию субъекта вершинной клаузы, где

получает именительный падеж. Важно, что в конструкции с подъемом вершинный предикат не приписывает семантической роли поднятой именной группе. Этим объясняется отсутствие селективных ограничений со стороны вершинного предиката, а также допустимость эксплетивов и фрагментов идиоматических выражений в позиции субъекта.

В конструкциях типа (2) (т. е. в конструкциях с контролем) субъектная именная группа с самого начала занимает позицию аргумента в вершинной клаузе и получает семантическую роль от вершинного предиката. Этим объясняется наличие селективных ограничений со стороны вершинного предиката и недопустимость в позиции субъекта эксплетивных местоимений и фрагментов идиом. В позиции же субъекта инфинитивной клаузы в рамках «классического» анализа контроля постулировалась нулевая именная группа PRO, кореферентная именной группе в вершинной клаузе (т. е. именная группа в вершинной клаузе «контролировала» PRO). В следующих примерах проиллюстрирована структура предложений (1) и (2):

- (1') John seemed / appeared [~~John~~ to have won the competition].
(2') John_i tried / wanted [PRO_i to win the competition].

Описанный анализ долгое время считался общепринятым в рамках порождающей грамматики и модифицировался лишь в отдельных деталях. Однако с приходом «минимализма» (см. [Chomsky 1995]) и отказом от многих теоретических конструкторов теории управления и связывания этот анализ стал проблематичным. Особенно проблемными оказались объяснение дистрибуции PRO и сам теоретический статус этого нулевого элемента (в рамках теории управления и связывания существование этого элемента и его дистрибуция объяснялись на основе понятия «управление», отвергнутого в рамках минималистской программы). Начали появляться работы, предлагавшие новые варианты анализа конструкций с контролем. При этом одни развивали основную идею «классического анализа» в рамках новой теоретической парадигмы (см. теорию «нулевого падежа» в [Chomsky, Lasnik 1993; Martin 1996; 2001]), в то время как другие предлагали более революционные решения, сближающие анализ конструкций с контролем и конструкций с подъемом аргумента (см. [O'Neil 1997; Manzini, Roussou 2000]). Наибольший резонанс вызвала теория, выдвинутая Норбертом Хорнстейном ([Hornstein 1999], см. также [Hornstein 2001; 2003]) и получившая название «теория контроля как передвижения» (movement theory of control). Основная идея этой теории состояла

в том, что контроль следует анализировать как передвижение именной группы из зависимой клаузы в вершинную, в ходе которого одной именной группе приписывается две семантические роли (отметим, что в работе [O'Neil 1997] была выдвинута очень схожая идея, однако именно теория Хорнстейна привлекла наибольшее внимание в научном сообществе). Таким образом, Хорнстейн предложил отказаться от «тета-критерия», устанавливающего взаимоднозначное соответствие между аргументными именными группами и семантическими ролями. Как показывает Хорнстейн, это стало возможным после отказа в рамках минимализма от идеи существования единого уровня «глубинной структуры», самого глубокого уровня репрезентации, на котором в рамках теории управления и связывания задавалась вся информация, касающаяся приписывания семантических ролей.

Таким образом, Хорнстейн предложил считать, что в конструкциях с контролем, как и в конструкциях с подъемом аргумента, присутствует передвижение. А различия между этими конструкциями сводятся к тому, что в конструкциях с контролем именная группа передвигается в позицию, где ей приписывается вторая семантическая роль, а в конструкциях с подъемом вершинный предикат не приписывает вторую семантическую роль поднятой именной группе. Эта теория, ставящая под сомнение глубину различий между конструкциями, которые в рамках порождающей грамматики противопоставлялись на протяжении нескольких десятилетий, вызвала множество откликов и породила жаркую дискуссию, которая продолжается по сей день (см. [Culicover, Jackendoff 2001; 2006; Landau 2003; Boeckx, Hornstein 2003; 2004; 2006a; 2006b; Jackendoff, Culicover 2003; Bobaljik, Landau 2009] и др.).

Рассматриваемая книга призвана внести свой вклад в развитие развернувшейся дискуссии вокруг феноменов подъема и контроля в языках мира.

Первая часть сборника получила название «Новые взгляды на подъем» и содержит три статьи.

Первая из них, озаглавленная «Возвращаясь к подъему в именных группах» (Raising in DP revisited), написана Айви Сичел (Ivy Sichel) и посвящена проблеме подъема аргумента в позицию генитивного зависимого вершинного имени из состава зависимого инфинитивного оборота. В исследованиях, посвященных синтаксису английского языка, уже давно был замечен следующий контраст между предикатами контроля (такими как *refuse* «отказаться» и *promise* «обещать») и предикатами подъема (такими как *appear* «казаться», *be certain* «быть

точным»): только отглагольные существительные, образованные от предикатов контроля, допускают конструкцию с зависимым инфинитивом и именной группой в родительном падеже, кореферентной нулевому подлежащему инфинитивной клаузы. Ср. примеры именных групп (9) и (10):

(9) John's refusal / promise to leave.

Отказ / обещание Джона уйти.

(10) *John's appearance / certainty to leave.

Целый ряд исследователей предлагал варианты объяснения этого контраста. Часто эти объяснения носили очень общий характер и предсказывали, что конструкции типа (10) должны быть запрещены во всех языках. В рассматриваемой статье на основе данных из иврита делается попытка показать, что такое обобщение неадекватно. Автор приводит примеры грамматичных конструкций из этого языка, внешне похожих на конструкцию типа (10) в английском, и при помощи ряда синтаксических тестов убедительно показывает, что в данных конструкциях в иврите действительно имеет место подъем аргумента из позиции субъекта инфинитивного оборота в позицию генитивного зависимого вершинного имени. Таким образом, неграмматичность примера (10) в английском языке не может быть приписана какому-либо универсальному запрету на подъем аргумента в рамках именной группы и требует иного, более частного объяснения. Вопрос о таком объяснении остается открытым.

Вторая часть статьи посвящена вопросам, лишь отдаленно связанным с проблемой подъема аргумента в составе именных групп в иврите. Сначала автор приводит аргумент, основанный на данных из иврита и направленный против анализа конструкций контроля через передвижение. Затем, уже опираясь на данные английского языка, автор излагает свою точку зрения на то, является ли контроль в составе именных групп (см. пример 11) обязательным или необязательным. При этом автор приходит к выводу, что это случай обязательного контроля, однако сам контролер может быть нулевым местоимением.

(11) John's_i mother_j supported the decision
[to vindicate himself_i / herself_j / oneself].
Мать Джона поддержала решение.

Вторая статья написана Кристофером Хиршом и Кеном Векслером и озаглавлена «Позднее развитие подъема» (The late development of raising: what children seem to think about seem). Эта статья посвящена вопросу о том, как конструкция с подъемом усваивается детьми при изучении родного языка. Авторы начинают с того, что рассматривают несколько суще-

ствующих гипотез о глубинных различиях в устройстве синтаксического аппарата у детей раннего возраста и взрослых, которыми можно объяснить недоступность для маленьких детей ряда конструкций, распространенных во взрослой речи. Обсуждаются предсказания этих гипотез в отношении конструкции с подъемом аргумента при глаголах типа *seem* «казаться». Затем, авторы дают обзор существующих (немногочисленных) исследований в этой области. И наконец, авторы приводят подробное описание ряда собственных экспериментов и детальное обсуждение их результатов. Основным вывод, к которому приходят авторы, это то, что конструкции с подъемом аргумента типа (13) непонятны детям до 7 лет, а в 7 лет происходит довольно резкий скачок в понимании подобных конструкций. При этом параллельные конструкции без подъема типа (12) хорошо понятны детям с гораздо более раннего возраста.

(12) It seems to Homer that Marge is pushing a cart.

Гомеру кажется, что Мардж толкает коляску.

(13) Homer seems to Maggie to be bowling a ball.

Мэгги кажется, что Гомер играет в боулинг.

Как показывают авторы, усвоение конструкции с подъемом происходит параллельно с усвоением таких конструкций, как пассив и конструкции с неаккузативными глаголами. Эти факты говорят в пользу одной из гипотез о различии между синтаксисом детей младшего возраста и взрослых, а именно в пользу гипотезы о том, что ранняя детская грамматика не допускает существования дефективных, не-фазовых вершин *v*. Согласно распространенному анализу, именно существование таких вершин делает возможными как пассивные конструкции и конструкции с неаккузативными глаголами, так и конструкции с подъемом аргумента в позицию субъекта, так как все эти конструкции требуют выноса аргумента напрямую из состава компонента вершины *v* без промежуточной «посадки» в позиции спецификатора этой вершины.

Интересно также сравнение усвоения детьми конструкций с подъемом аргумента и конструкций с контролем. Оказывается, что при усвоении конструкций с контролем описанной задержки не наблюдается. Авторы показывают, что хотя, на первый взгляд, эти данные говорят против попыток сведения контроля и подъема к единому синтаксическому механизму – передвижению, при более тщательном анализе оказывается, что выдвинутая гипотеза о причинах

задержки в усвоении конструкций с подъемом вовсе не предсказывает аналогичной задержки в усвоении конструкции с контролем, даже если контроль также анализируется как передвижение. Дело в том, что для анализа конструкций с субъектным контролем в рамках теории контроля как передвижения нет необходимости в постулировании дефективной вершины *v*. В этом случае именная группа передвигается из состава зависимой клаузы сначала в позицию спецификатора вершины *v* в главной клаузе, где ей приписывается вторая семантическая роль. А затем уже эта именная группа передвигается в позицию спецификатора вершины *T*. Таким образом, благодаря промежуточной «посадке» в спецификаторе вершины *v* поднятая именная группа может быть вынесена из состава компонента вершины *v*, даже если эта вершина является фазовой.

Хочется отметить, что благодаря хорошему описанию структуры и результатов проводимых экспериментов данная статья будет интересна не только исследователям, работающим в рамках генеративного синтаксиса, но и всем интересующимся усвоением синтаксиса детьми.

Последняя статья этой части, которая называется «Подъем главных аргументов в корейском (и японском)» (*Raising of major arguments in Korean (and Japanese)*), написана Джеймсом Юном. В этой статье автор предлагает собственный анализ конструкций с подъемом аргумента в позицию объекта в корейском языке (см. пример 14). Утверждается, что этот анализ можно распространить и на похожую конструкцию в японском языке, однако данные, на которые опирается автор в статье, взяты в основном из корейского.

(14) Cheli-nun	Yenghi-lul
Чели-ТОР	Йенги-ACC
yenglihay-ss-ta-ko	mitnun-ta
умный-PST-DECL-COMP	считать-DECL
Чели считает, что Йенги был умным.	

Эта конструкция обладает целым рядом свойств, которые отличают ее от конструкции с подъемом аргумента в позицию объекта (или «конструкции с исключительным приписыванием падежа», ЕСМ-конструкции) в английском языке:

- (15) John believes him to be innocent.
Джон считает его невиновным.

В частности, зависимая клауза в подобных конструкциях в корейском является финитной, и в исходной позиции поднятой именной группе может быть приписан падеж. Сам же подъем аргумента является факультативным. Автор рассматриваемой статьи указывает на

ряд других существенных отличий, важнейшим из которых является то, что в корейском иногда допускается подъем несубъектной именной группы, т. е. допускается нарушение локальности передвижения. Этими отличиями от свойств подъема в английском языке объясняется тот факт, что в данный момент не существует общепризнанного анализа таких конструкций в корейском (и японском). Часть исследователей (начиная с классических работ [Kuno 1972; 1976]) придерживаются мнения, что эти конструкции следует анализировать как конструкции с подъемом аргумента. Другие же отвергают этот анализ и предлагают считать, что в данном случае мы имеем дело с явлением контроля или пролепсиса.

Дж. Юн предлагает анализ, согласно которому в данном случае подъем аргумента действительно имеет место, но поднимается не «грамматический субъект» (*grammatical subject*) зависимой клаузы, а так называемый «главный субъект» (*major subject*). «Главный субъект» – это именная группа в особой синтаксической позиции, которая располагается выше в синтаксической структуре, чем позиция «грамматического субъекта», и в которой тоже приписывается падеж (номинатив). Явно «главный субъект» присутствует в так называемой «конструкции с несколькими номинативами»:

(16) Cheli-ka	meli-ka	coh-ta.
Чели-NOM	голова-NOM	хороший-DECL
Чели умный.		

С семантической точки зрения, на конструкции с «главным субъектом» накладывается следующее ограничение: вся предикация, кроме «главного субъекта», должна выражать определенное «характеризующие свойство» этого «главного субъекта». Это означает, например, что такие конструкции будут чаще всего иметь генерическую или хабитуальную интерпретацию, а предикат в таких конструкциях будет часто предикатом индивидуального уровня (*individual-level*).

Важно, что, как показывает автор, именная группа в позиции «главного субъекта» может быть кореферентна другой (местоименной) именной группе в составе остальной клаузы (эта местоименная именная группа может быть как нулевым, так и ненулевым местоимением). При соблюдении определенных семантических ограничений эта местоименная именная группа может находиться как в позиции грамматического субъекта, так и в позиции других аргументов или даже в составе синтаксических островов. Это заставляет автора сделать вывод о том, что отношение между «главным субъектом» и

корреферентной местоименной именной группой не является отношением передвижения.

Таким образом, по мнению автора, в случаях, когда кажется, что происходит подъем несубъектной именной группы, на самом деле происходит подъем главного аргумента, корреферентного (нулевой) местоименной именной группе в несубъектной позиции. Более того, автор показывает, что даже при подъеме субъектной именной группы на самом деле поднимается «главный субъект», корреферентный «грамматическому субъекту». Напрямую «грамматический субъект» в корейском языке не поднимается. Основным свидетельством в пользу такого анализа является то, что при подъеме аргумента в корейском должны соблюдаться те же семантические ограничения, которые накладываются на конструкцию с несколькими номинативами (зависимая клауза должна выражать «характеризующее свойство» поднятой именной группы).

Данный анализ позволяет объяснить ряд парадоксальных и, казалось бы, противоречащих друг другу свойств конструкции с подъемом аргумента в позицию объекта в корейском языке. На наш взгляд, данный анализ представляет особый интерес, так как в нем делается серьезный шаг на пути к объяснению нетривиальных семантических ограничений на подъем аргумента в корейском и японском языках. Ни подходы, стремящиеся максимально приблизить анализ этих конструкций к анализу (или, точнее, к одному из вариантов анализа) похожих конструкций в английском языке, ни подходы, постулирующие в данном случае контроль или пролепсис, не могли ответить на этот вопрос.

Вторая часть книги посвящена конструкциям с подъемом и контролем в современном греческом языке. Эта часть также состоит из трех статей.

Первая статья называется «Не совсем ECM, не настоящий контроль: 'квази-ECM' конструкция в греческом языке» (Not really ECM, Not exactly control: the 'quasi-ECM' construction in Greek). Ее авторами являются Джордж Котсоглу и Димитра Панангели, которые пытаются показать, что конструкцию греческого языка, внешне напоминающую ECM-конструкцию в английском, на самом деле следует анализировать как пролепсис. Ср. следующий пример:

- (17) o petros ithele
def Петр-NOM хотел-3SG
ti maria na
def Мария-ACC SUBJ
traghudhai oli mega.
петь-3SG весь день
Петр хотел, чтобы Мария пела весь день.

Авторы показывают, что зависимая клауза в данном случае, хотя и возглавляется глаго-

лом в сослагательном наклонении, является финитной, и ее субъекту может быть приписан именительный падеж. Кроме того, приводится ряд аргументов в пользу того, что именная группа в винительном падеже в рассматриваемых конструкциях входит в состав вершинной клаузы и занимает там позицию объекта. Однако, хотя эти аргументы и приводятся авторами как доказательство того, что данную конструкцию нельзя анализировать как конструкцию с подъемом аргумента, они напрямую об этом не свидетельствуют. Этот вывод сделан скорее исходя из теоретических предпосылок, которые, надо отметить, не являются бесспорными. Так, существует целый ряд работ, в которых отстаивается существование подъема аргумента из падежных позиций и из состава финитных клауз, в том числе уже упоминавшиеся работы по подъему аргумента в японском языке (см. [Kuno 1976; Tanaka 2002] о подъеме в японском языке, [Ura 1996] о подъеме в языке игбо, [Fuji 2005; 2007] о подъеме из падежных позиций в английском и др.).

Кроме того, авторы указывают на определенные семантические свидетельства того, что именной группе в аккузативе в примерах типа (17) приписывается семантическая роль вершинным предикатом, а именно: на наличие семантических отличий примеров с «поднятой» и «неподнятой» именными группами, а также на незначительное изменение значения при пассивизации зависимой клаузы (распространенный тест на контроль). Однако эти рассуждения носят весьма нечеткий характер, никаких строгих диагностических контекстов не приводится, поэтому этот аргумент приходится признать слабым.

Единственным сильным аргументом в пользу анализа рассматриваемых примеров как конструкций с пролепсисом или контролем является то, что такому «подъему» не могут подвергаться фрагменты идиоматических выражений. Как уже указывалось выше, допустимость подъема фрагментов идиом — это один из важнейших тестов на то, что «поднятой» именной группе не приписывается семантическая роль вершинным предикатом.

В итоге авторы приходят к выводу, что рассматриваемые «квази-ECM» конструкции следует приравнять к конструкциям с пролепсисом, которые также существуют в греческом языке. Более того, авторы предполагают, что обсуждаемые конструкции и конструкции с пролепсисом, в которых «тематический» аргумент вершинного предиката не маркирован винительным падежом, а выражен предложной группой, являются различными реализациями одних и тех же тематических ограничений вершинных предикатов (т. е., иными словами,

это просто различные синтаксические реализации одного и того же набора семантических ролей). К сожалению, авторы практически не уделяют внимания важнейшему последствию из такого анализа: конструкции с пролепсисом в различных языках отличаются от конструкций с подъемом аргумента в первую очередь тем, что не накладывают никаких ограничений на то, в какой синтаксической позиции в зависимой клаузе может находиться местоимение, кореферентное предложной группе в вершинной клаузе. Ср. следующий пример, в котором кореферентное местоимение входит в состав субъектной именной группы:

(18) Я знаю о Васе_i, что его_i любимым лакомством является мороженое.

Таким образом, предложенный авторами анализ также предсказывает отсутствие каких-либо ограничений на локальность в «квази-ЕСМ» конструкции в греческом. Авторы приводят лишь один пример такой конструкции с «подъемом» из несубъектной позиции (как утверждается, из позиции косвенного дополнения). Однако этот пример подробно не обсуждается, и из текста статьи совершенно не ясно, насколько неограниченным является такой «подъем» из несубъектных позиций.

Следующие две статьи этой части сборника посвящены анализу контроля в греческом языке. Контроль в греческом языке представляет особый интерес для синтаксистов тем, что в этом языке контролироваться может субъект зависимых клауз, предикат в которых стоит в форме сослагательного наклонения. При этом глагол в сослагательном наклонении (как и в изъявительном) согласуется с субъектом по числу и лицу. Это отличает конструкции с контролем в греческом языке от похожих конструкций в английском или в русском, где контроль возникает только в конструкциях с зависимыми клаузами, возглавляемыми глаголом в «дефектной», несогласующейся форме (инфинитив, герундий). Более того, в современном греческом языке вообще отсутствует инфинитивная форма глагола.

В статье Констанции Капетангианни и Дэниела Сили «Контроль в современном греческом языке: это неплохое движение» (Control in Modern Greek: it's another good move) ставится следующий вопрос: в греческом языке есть конструкции с зависимыми клаузами в сослагательном наклонении, которые проявляют свойства контроля, и есть те, которые таких свойств не проявляют, – что определяет это различие в свойствах между внешне очень похожими конструкциями? Обсудив недостатки одного из предшествующих подходов к этой проблеме, авторы предлагают свое решение,

которое, в каком-то смысле, сводится к тому, что на более абстрактном синтаксическом уровне греческий контроль следует анализировать ровно так же, как контроль в английском. Таким образом, авторы предполагают, что при идентичности морфологического оформления глагола клаузы в сослагательном наклонении в греческом языке на самом деле бывают двух типов: в одних вершина *Agr*^o является полной и согласуется с субъектом по признакам рода, числа и падежа, а в других вершина *Agr*^o является неполной («дефектной») и согласуется с субъектом только по признакам числа и падежа, но не рода. Однако свойства морфологии греческого языка таковы, что формальное выражение на глаголе получает только согласование по числу и падежу, поэтому различие между этими двумя типами клауз оказывается скрытым. Однако это различие приводит к существенным последствиям в области синтаксиса: неполная («дефектная») вершина *Agr*^o, также как вершина *Agr*^o в инфинитивных клаузах в английском, не может лицензировать полноценный субъект, что и приводит к возникновению контроля. В своем анализе авторы опираются на теорию контроля как передвижения, считая что в конструкциях с обязательным контролем неполная вершина *Agr*^o в сослагательном наклонении не может приписать именительный падеж субъекту, поэтому он перемещается в тета-позицию в вершинной клаузе (т. е. в позицию, где этой именной группе приписывается вторая семантическая роль). С другой стороны, когда полноценная вершина *Agr*^o приписывает падеж субъекту, передвижения не происходит и феномен контроля не возникает. При этом одни вершинные предикаты выбирают полноценную вершину *Agr*^o в качестве зависимого, а другие неполную, что объясняет существование обязательного контроля при одних предикатах, принимающих зависимые клаузы в сослагательном наклонении, и отсутствие контроля при других.

Хочется отметить, что, хотя авторы и опираются на теорию контроля как передвижения Хорнстайна, их анализ мог бы быть вписан в любую другую из многочисленных теорий, построенных на материале английского языка и объясняющих возникновение контроля дефективностью вершины *T*^o (ср. более традиционные подходы [Chomsky, Lasnik 1993; Martin 1996; 2001]).

Следует сказать, что авторы не предоставляют никаких независимых свидетельств существования двух разных вершин *T*^o в сослагательном наклонении в греческом языке – полной и «дефектной». Нет никаких эмпирических данных, подтверждающих эту теорию, более того,

как показано в следующей статье сборника, есть данные, ставящие ее под сомнение.

В своей статье «Финитность и контроль в греческом языке» (Finiteness and control in Greek) Вассилиос Спиropулос также рассматривает контроль в конструкциях с зависимой клаузой в сослагательном наклонении. Он приводит ряд аргументов в пользу того, что, во-первых, возникновение контроля в греческом языке зависит от временной интерпретации зависимой клаузы, а во-вторых, что даже в конструкциях с обязательным контролем вершина T^0 в зависимой клаузе не теряет способность приписывать именительный падеж субъекту этой клаузы. Эти аргументы ставят под сомнение анализ Капетангианни и Сили, представленный в предшествующей статье сборника. Спиropулос предлагает считать, что в греческом языке контролируется не PRO, а *pro* (нулевой прономинал), и описывает возможный синтаксический механизм такого контроля. И хотя финальный анализ, представленный в статье, очень краток, неэксплицитен и вызывает большое количество вопросов, работа представляет интерес благодаря разнообразию рассмотренных данных и важным промежуточным обобщениям.

Третья часть книги состоит из трех статей, посвященных контролю в романских языках.

Первая статья в этой части написана Габриэлой Албою и озаглавлена «Продвигаясь вперед с румынским обратным контролем и подъемом» (Moving forward with Romanian backward control and raising). В этой статье автор пытается доказать, что обязательный контроль (в отличие от необязательного) в румынском языке следует анализировать как передвижение в духе теории Хорнстайна. Основным аргументом в пользу этого является существование так называемых конструкций с «обратным контролем» в румынском языке, то есть конструкций, в которых полная именная группа находится в зависимой клаузе, а кореферентная с ней фонетически пустая именная группа находится в вершинной клаузе. Более того, как утверждает автор, в конструкциях обязательного контроля в румынском языке полная именная группа может занимать одну из четырех различных синтаксических позиций. Ср. следующий пример:

- (19) (Victor) încearcă
 (Виктор.NOM) пытаться.PRES.3SG
 (Victor) la trombon
 (Виктор.NOM) тромбон
 (Victor) [să cînte
 (Виктор.NOM) [SBJ петь.3SG
 (Victor)
 (Виктор.NOM)]
 Виктор пытается играть на тромбоне.

Теория контроля как передвижения позволяет анализировать конструкции с «обратным контролем» как конструкции со скрытым передвижением, то есть таким передвижением, при котором фонетически выражается нижняя копия (см. также [Polinsky, Potsdam 2002; 2003]). Для теорий, постулирующих нулевой элемент PRO в конструкциях с контролем, «обратный контроль» представляет собой труднопреодолимую проблему. Этим теориям в случаях «обратного контроля» пришлось бы постулировать PRO (или *pro*) в вершинной клаузе, что наталкивается, как минимум, на два серьезных препятствия: приходится постулировать PRO в полноценной падежной позиции в полноценной (ни в чем не «дефектной») клаузе, т. е. все существующие объяснения дистрибуции PRO теряют силу, и остро встает вопрос о том, почему PRO недопустимо вообще в любых синтаксических позициях. Вторая проблема заключается в том, что приходится постулировать «связывание наверх» (т.е. именная группа из зависимой клаузы должна связывать PRO в вершинной клаузе), что считается невозможным в подавляющем большинстве существующих синтаксических теорий.

Зависимые клаузы в конструкциях с обязательным контролем в румынском языке, как и в греческом, возглавляются глаголом в форме сослагательного наклонения, согласующимся с субъектом по лицу и числу. Автор рассматриваемой статьи приводит ряд аргументов в пользу того, что в таких клаузах субъекту не приписывается именительный падеж, несмотря на наличие полноценного согласования, и что сами клаузы не имеют полноценной проекции комплементаризера (C^0 , т. е. эти клаузы не являются «фазами» в смысле [Chomsky 2001; 2008]). Эти свойства и делают возможным подъем аргумента из их состава при контроле в соответствии с теорией Хорнстайна.

Надо отметить, что, хотя большинство упомянутых аргументов очень интересны и убедительны, недостатком статьи является отсутствие последовательного сравнения конструкций с обязательным контролем и конструкций с необязательным контролем. Многие релевантные данные про конструкции с необязательным контролем в статье отсутствуют. Это означает, что автору не удалось доказать, что допустимость обратного контроля (свойства, на основании которого автор изначально выбирает теорию контроля как передвижения) возникает только тогда, когда выполняется ряд других формальных свойств (невозможность присваивания именительного падежа в зависимой клаузе, отсутствие полноценной вершины C^0), как предсказывается теорией Хорнстайна.

Вторая статья этой части сборника посвящена анализу конструкций с «частичным контролем» в романских языках и озаглавлена «Согласование и плавающие составляющие в конструкциях с частичным и инверсным частичным контролем» (Agreement and flotation in partial and inverse partial control configurations). Конструкциями с «частичным контролем» называют конструкции, в которых контролирующая именная группа интерпретируется как элемент множества, которое обозначает контролируемая именная группа (невыраженный субъект зависимой клаузы). Ср. следующий пример из русского языка:

(20) Вася_i согласился [$\emptyset_{i+j}$ встретиться в два часа].

В этом примере именная группа *Вася* является контролером, но при этом она лишь частично определяет референцию невыраженного субъекта инфинитивной клаузы, который интерпретируется как обозначающий группу людей, включающую Васю. Такая интерпретация является обязательной, если в зависимой клаузе стоит предикат, требующий семантически множественного субъекта (такой как «встречаться» или «собраться»), а контролирующая именная группа обозначает единичного индивида.

Силен Родригес, автор рассматриваемой статьи, в первой части своей работы исследует ограничения на согласование причастий с субъектом зависимых клауз в конструкциях с «частичным контролем». Она показывает, что такое согласование в романских языках происходит исключительно по грамматическим признакам именной группы контролера, а не по семантическим признакам. Этот результат является неожиданным, потому что, как показывает автор, в других конструкциях семантические признаки именных групп могут контролировать согласование причастий в романских языках. Автор сравнивает «теорию контроля как согласования» И. Ландау (см. [Landau 1999; 2000]) и «теорию контроля как передвижения» Н. Хорнстайна и приходит к выводу, что только последняя может объяснить приведенные данные. Затем в статье предлагается формальный анализ «частичного контроля» как передвижения именной группы контролера из состава более сложной именной группы, включающей нулевой элемент, который и отвечает за множественную интерпретацию субъекта зависимой клаузы при частичном контроле. И наконец, в последней части статьи рассматриваются конструкции в испанском языке (автор называет их «конструкции с инверсным частичным контролем»), которые автор анализирует, наоборот, как вынос ну-

левой именной группы контролера из состава более сложной именной группы. При этом такие конструкции получают интерпретацию, обратную стандартному «частичному контролю»: оставшаяся в зависимой клаузе ненулевая именная группа интерпретируется как подмножество группы, которую обозначает нулевой контролер.

Следующая статья сборника озаглавлена «Нулевые субъекты в бразильском португальском и финском языках: они не возникают вследствие передвижения» (Null subjects in Brazilian Portuguese and Finnish: they are not derived by movement), ее автором является Марчелло Модесто. В этой статье рассматривается интересный феномен, отмеченный в бразильском диалекте португальского языка и в разговорном финском: в этих языках нулевые местоимения допускаются в позиции субъекта зависимой клаузы при условии кореферентности с именной группой в составе вершинной клаузы (чаще всего тоже субъектной). При других условиях нулевые местоимения не допускаются. Автор статьи анализирует предложенный ранее подход к этому феномену, согласно которому фонетически пустая именная группа в таких конструкциях возникает в результате передвижения субъекта зависимой клаузы в позицию субъекта вершинной клаузы – это нулевая копия поднятой именной группы. Таким образом, в рамках этого анализа данный феномен анализируется так же, как контроль в теории Хорнстайна – как подъем из зависимой клаузы в вершинную с приписыванием двух семантических ролей поднятой именной группе. Модесто в своей статье приводит ряд убедительных аргументов против подобного подхода и предлагает свой собственный анализ рассматриваемого явления, который не вовлекает синтаксическое передвижение.

Последняя часть книги озаглавлена «Дополнения и альтернативы к теории контроля как передвижения» и включает четыре статьи.

Первая из них написана Седриком Бёксом и Норбертом Хорнстайном, исследователями, наиболее активно отстаивающими теорию контроля как передвижения. Эта довольно короткая статья озаглавлена «О (не)обязательном контроле» (On (non)obligatory control) и посвящена рассмотрению одного узкого вопроса в рамках теории контроля как передвижения: как объяснить невозможность необязательного контроля в ряде случаев, в которых теория предсказывает допустимость как обязательного, так и необязательного контроля. Авторы предлагают оригинальный выход из этого затруднения: необязательно менять грамматическую теорию контроля, можно предположить, что недопустимость соответствующих приме-

ров объясняется ограничениями, накладываемыми на алгоритм синтаксического разбора, имеющийся у человека. Таким образом, авторы пытаются показать, что проблемные примеры недопустимы из-за того, что механизм синтаксического разбора, имеющийся у человека, не сможет их проанализировать. При этом важно отметить, что в данном случае речь идет не о недостатке ресурсов (таких, как оперативная память) для разбора сложных конструкций, а о принципиальной невозможности разбора некоторых довольно простых конструкций вследствие внутренних ограничений механизма разбора, которые постулируют авторы.

Предложенный авторами данной статьи анализ, несомненно, представляет интерес, однако следует отметить, что он вовлекает целый новый механизм объяснения недопустимости синтаксических конструкций естественного языка, отличный от ограничений грамматики, – внутренние ограничения механизма синтаксического разбора, про которые мало что известно. Авторы утверждают, что если эти ограничения таковы, что они принципиально препятствуют разбору некоторой конструкции, то эта конструкция оценивается носителями как недопустимая. Принятие такого подхода может иметь огромные последствия для всей лингвистической теории, поэтому оно, несомненно, требует гораздо более обширного и детального обоснования, чем то, которое авторы предлагают в рассматриваемой статье.

Вторая статья этой части сборника написана Майклом Бэрри и озаглавлена «Контроль и WH-инфинитивы» (Control and WH-infinitivals). В этой статье автор анализирует феномен контроля в конструкциях, где инфинитивная клауза вводится вопросительным (wh-) словом. Ср. следующие примеры:

(21) Alexis told Janice where to meet before the play.

Алексис сказала Джэнис, где им надо встретиться перед пьесой.

(22) Alex told Jack where to get good cheese.

Алекс сказал Джэку, где можно достать хороший сыр.

Автор показывает, что такие конструкции бывают двух типов: с обязательным контролем (пример 21) и с необязательным («генерическим») контролем (пример 22). Как показано в статье, эти типы конструкций различаются не только семантическими, но и синтаксическими свойствами, в частности, допустимостью выноса из инфинитивной клаузы вопросительных слов и допустимостью определенного типа эллипсиса. По мнению автора, все эти свойства хорошо объясняются в рамках теории контроля как передвижения.

Следующая статья сборника, написанная Йоханом Роориком, озаглавлена «Контроль через селекцию» (Control via selection). В ней автор выдвигает ряд аргументов против теории контроля как передвижения, основанных на существовании закономерностей в таких явлениях, как расщепленный контроль и сдвиг контроля. Так, предикаты «просить», «обещать», «предлагать» во многих языках допускают расщепленный контроль и сдвиг контроля, а предикаты «заставить», «позволить» не допускают. При этом автор основывается на данных английского, французского, немецкого и голландского языков. Как показывает Роорик, допустимость этих явлений зависит от определенных семантических свойств вершинных предикатов. Автор делает попытку формализовать описание этих свойств, представляя семантику вершинных предикатов в виде сложной событийной структуры, состоящей из ряда взаимосвязанных подсобытий. Далее, событие, выражаемое зависимой инфинитивной клаузой, должно по правилу «селекции» идентифицироваться с одним из подсобытий в лексической структуре вершинного предиката. Свойства этого подсобытия, различные у разных вершинных предикатов, и определяют допустимость при данном предикате сдвига контроля и расщепленного контроля.

Подход к объяснению ограничений на контроль через лексико-семантические свойства вершинных предикатов представляется очень плодотворным, однако способ формализации этих свойств, предложенный в рассматриваемой статье, вызывает ряд вопросов. Автор исследует семантику таких глаголов, как «обещать», «просить» и «предлагать», на примерах с именными и предложными дополнениями:

(23) Kim promised Sue an apple.

Ким обещала Сью яблоко.

(24) Kim asked Sue for an apple.

Ким попросила у Сью яблоко.

(25) Kim offered Sue an apple.

Ким предложила Сью яблоко.

На основе таких примеров Роорик предлагает считать, что в семантику этих предикатов входит указание на подсобытие, расположенное в неопределенном будущем, в ходе которого пациент вершинного предиката (в данном случае, «яблоко») переходит от агенса к адресату (для предикатов «обещать» и «предлагать»), или наоборот – от адресата к агенту (для предиката «просить»). Хотя такое описание приемлемо для конструкций с именными и предложными дополнениями (т. е. с дополнениями, обозначающими «перемести-

мые» предметы), не совсем ясно, как такой анализ семантики вершинных предикатов может быть распространен на случаи, когда в качестве дополнения выступает инфинитивная клауза («Ким обещала / попросила / предложила Сью сходить в магазин»). Непонятно, что именно должно перемещаться в данном случае, так как аргументом с ролью пациенса (или «темы») здесь является зависимая инфинитивная клауза, сама по себе обозначающая событие.

В работах [Минор 2004; Minor 2004] нами был предложен анализ ограничений на выбор контролера, на сдвиг контроля и на расщепленный контроль, очень близкий описанному анализу Роорика, который, однако, не предполагает, что лексическая семантика рассматриваемых предикатов всегда содержит указание на событие передачи какого-то объекта от одного участника ситуации другому. Мы предположили, что в случае, когда вершинные предикаты принимают в качестве дополнения инфинитивную клаузу, релевантным для ограничений на контроль семантическим свойством являются семантические отношения между различными аргументами, наличие которых определяется лексической семантикой вершинных предикатов. Эти отношения устанавливаются между одним из именных актантов и (потенциальным) событием, которое описывает зависимая клауза (см. также [Dowty 1985]), и бывают двух видов: отношение каузации и отношение бенефактивности. Так, предикат «просить» предполагает наличие отношения бенефактивности между агенсом («просящим») и событием, выраженным инфинитивной клаузой, и наличие отношения каузации между адресатом («тем, кого просят») и этим событием. Таким образом, говоря нестрого, предикат «просить» предполагает, что событие, выраженное инфинитивной клаузой, должно быть реализовано адресатом и его реализация благоприятна для агенса (по словам агенса). Глагол «обещать», напротив, предполагает наличие отношения каузации между агенсом и событием, выраженным зависимой клаузой, и наличие отношения бенефактивности между адресатом и этим событием. Такие ограничения в рамках формальной композициональной семантики можно формализовать в виде постулатов значения (см. [Dowty 1985; Chierchia 1984], а также [Минор 2007], где приводится формальная запись постулата значения о наличии отношения каузации между аргументами вершинного предиката).

Обобщение относительно допустимости расщепленного контроля и сдвига контроля сводится к тому, что в качестве контролера

(или одного из контролеров в случае расщепленного контроля) может выступать только аргумент, для которого в лексической семантике вершинного предиката задано одно из двух описанных отношений. Именно поэтому предикаты «просить» и «обещать», которые предполагают наличие одного из семантических отношений для каждого из своих именных аргументов, во многих языках допускают сдвиг контроля и расщепленный контроль. С другой стороны, такие предикаты как «приказать» и «посоветовать» никогда не допускают этих явлений. В рамках данного анализа это объясняется тем, что предикат «приказать», устанавливая отношение каузации между адресатом и событием, выраженным зависимой клаузой, не устанавливает никакого отношения для своего агенса. Предикат же «посоветовать» предполагает наличие обоих отношений (и каузации, и бенефактивности) между событием, выраженным зависимой клаузой, и адресатом. Таким образом, при этих вершинных предикатах адресат является единственным аргументом, для которого зафиксировано одно из указанных отношений, и, следовательно, является единственным претендентом на роль контролера невыраженного субъекта инфинитивной клаузы.

Конечно, описанный анализ сталкивается с проблемой, на которую мы указали в связи с анализом, предложенным в статье Йохана Роорика, правда, в перевернутом виде: как предложенную семантику вершинных предикатов распространить на случаи, когда эти предикаты принимают в качестве дополнения не инфинитивную клаузу, а именную или предложную группу (см. примеры выше)? Однако в данном случае ответ, как нам представляется, предложить легче. В семантике конструкций типа 23–25 действительно, как отмечает Роорик, присутствует указание на потенциальное событие передачи пациенса от одного участника ситуации другому. Отметим, во-первых, что это событие вписывается в те семантические отношения, которые, на наш взгляд, задаются между аргументами в семантике вершинного предиката (отношения каузации и бенефактивности). Так, в подобных конструкциях с предикатом «просить» предполагается, что каузаторм (и даже агенсом) события передачи должен быть адресат, а бенефициантом этого события – агенс, а в конструкциях с предикатом «обещать» – наоборот. Единственный вопрос в данном случае состоит в следующем: что в таких конструкциях определяет интерпретацию потенциального события именно как события передачи пациенса? Существуют разные варианты ответа на этот вопрос: можно утверждать, что в данном случае мы вообще имеем дело с

другими глагольными лексемами, обладающими (наряду с другой моделью управления) более «специфицированной» лексической семантикой, чем их корреляты, принимающие в качестве дополнения инфинитивную клаузу. Это самый простой (но одновременно и самый неинтересный) ответ, который делает сам поставленный вопрос нерелевантным для анализа конструкций с контролем. С другой стороны, можно настаивать на том, что в данных конструкциях присутствуют те же лексемы, что и в конструкциях с контролем, и постулировать в таких случаях фонетически невыраженный лексический материал (нулевой глагол), несущий семантику передачи объекта. И наконец, можно пытаться объяснить возникновение семантики «передачи объекта» действием прагматических механизмов, «достраивающих» семантику события, неспецифицированного лексически. Выбор из этих вариантов выходит далеко за рамки настоящей рецензии.

Так или иначе, в этом направлении необходимы дальнейшие исследования, охватывающие большее количество различных семантических классов вершинных предикатов в большем количестве различных языков. Однако, как уже было сказано, само это направление представляется нам чрезвычайно перспективным.

Заключительная статья рассматриваемого сборника, написанная Иданом Ландау и озаглавленная «Свойства контроля, не объяснимые через передвижение» (*Movement-resistant aspects of control*), является продолжением давно длящейся дискуссии вокруг теории контроля как передвижения. Эта статья фактически является ответом на статьи [Hornstein 2003] и [Boeckx, Hornstein 2004], которые, в свою очередь, являются ответом на более раннюю критику Ландау. В рассматриваемой статье Ландау перечисляет аргументы против теории контроля как передвижения, которые он приводил в более ранних работах, и по пунктам опровергает ответы на эти аргументы, выдвинутые сторонниками данной теории. В число таких аргументов входит, в частности, наблюдение, что свойства контроля зависят от лексической семантики вершинных предикатов, о котором мы говорили выше в связи с обсуждением статьи Й. Роорика. Такая зависимость совершенно необъяснима с точки зрения теории контроля как передвижения, в рамках которой выбор контролера определяется исключительно условием на локальность передвижения.

Итак, очевидно, что рассматриваемая книга будет интересна в первую очередь лингвистам, работающим в рамках формальных синтаксических теорий (главным образом, в рамках порождающей грамматики). При этом

особый интерес она будет представлять для исследователей, занимающихся синтаксисом конструкций с сентенциальными актантами. И хотя некоторые из статей, представленных в данном сборнике, являются, по нашему мнению, довольно слабыми, в общем и целом эта книга, несомненно, заслуживает внимания как в отношении предлагаемых аналитических решений, так и в отношении разнообразия языковых данных.

Более того, хочется отметить, что дискуссия, которая вот уже около 10 лет разворачивается вокруг теории контроля как передвижения и которой так или иначе касается почти каждая статья данного сборника, на наш взгляд, является одним из самых жарких противостояний в истории порождающей грамматики последних нескольких десятилетий. Рассматриваемая книга вносит существенный вклад в развитие этой дискуссии, а присутствие в ней работ как основных сторонников теории контроля как передвижения (Хорнстайна и Бёкса), так и основного ее критика (Ландау), привлекает к ней особое внимание.

И наконец, некоторые работы, представленные в рассматриваемом сборнике (в первую очередь, статья Кристофера Хирша и Кена Векслера, а также статья Йохана Роорика), могут быть интересны более широкому кругу исследователей, так как их тематика и результаты выходят за теоретические рамки порождающей грамматики (в частности, статья Хирша и Векслера может быть полезна всем, кто интересуется усвоением синтаксиса детьми, а статья Роорика – всем, кого интересует взаимодействие лексической семантики и синтаксиса).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Минор 2004 – С.А. Минор. Семантические ограничения на выбор контролера (на материале русского и немецкого языков). Рукопись. М., 2004.
- Минор 2007 – С.А. Минор. Объектный контроль и подъем аргумента в русском языке // Ф.И. Дудчук, А.В. Подобреев, Н.В. Ивлиева (ред.). Структуры и интерпретации. М., 2007.
- Bobaljik, Landau 2009 – J. Bobaljik, I. Landau. Icelandic control is not a-movement: The case from case // *Linguistic inquiry*. 40. 2009.
- Boeckx, Hornstein 2003 – C. Boeckx, N. Hornstein. Reply to 'Control is not movement' // *Linguistic inquiry*. 34. 2003.
- Boeckx, Hornstein 2004 – C. Boeckx, N. Hornstein. Movement under control // *Linguistic inquiry*. 35. 2004.

- Boeckx, Hornstein 2006a – C. Boeckx, N. Hornstein. Control in Icelandic and theories of control // *Linguistic inquiry*. 37. 2006.
- Boeckx, Hornstein 2006b – C. Boeckx, N. Hornstein. Virtues of control as movement // *Syntax*. 9. 2006.
- Chierchia 1984 – G. Chierchia. Topics in the syntax and semantics of infinitives and gerunds. PhD dissertation. Amherst (Mass.), 1984.
- Chomsky 1981 – N. Chomsky. Lectures on government and binding. Dordrecht, 1981.
- Chomsky 1995 – N. Chomsky. The minimalist program. Cambridge (Mass.), 1995.
- Chomsky 2001 – N. Chomsky. Derivation by phase // M. Kenstowicz (ed.). *Ken Hale: A life in language*. Cambridge (Mass.), 2001.
- Chomsky 2008 – N. Chomsky. On phases // R. Freidin, C. Otero, M.-L. Zubizarreta (eds.). *Essays in honor of Jean-Roger Vergnaud*. Cambridge (Mass.), 2008.
- Chomsky, Lasnik 1993 – N. Chomsky, H. Lasnik. The theory of principles and parameters // *The minimalist parameter*. Cambridge (Mass.), 1993.
- Culicover, Jackendoff 2001 – P.W. Culicover, R. Jackendoff. Control is not movement // *Linguistic inquiry*. 32. 2001.
- Culicover, Jackendoff 2006 – P.W. Culicover, R. Jackendoff. Turn over control to the semantics! // *Syntax*. 9. 2006.
- Dowty 1985 – D. Dowty. On recent analyses of the semantics of control // *Linguistics and philosophy*. 8. 1985.
- Fujii 2005 – T. Fujii. Cycle, linearization of chains, and multiple case checking // S. Blaho, L. Vicente, E. Schoorlemmer (eds.). *Proceedings of Console XIII*. 2005.
- Fujii 2007 – T. Fujii. Cyclic chain reduction // N. Corver, J. Nunes (eds.). *The copy theory of movement*. Amsterdam, 2007.
- Hornstein 1999 – N. Hornstein. Movement and control // *Linguistic inquiry*. 30. 1999.
- Hornstein 2001 – N. Hornstein. *Move! A minimalist theory of construal*. Oxford, 2001.
- Hornstein 2003 – N. Hornstein. On control // R. Hendrick (ed.). *Minimalist syntax*. Oxford, 2003.
- Jackendoff, Culicover 2003 – R. Jackendoff, P.W. Culicover. The semantic basis of control in English // *Language*. 79. 2003.
- Kuno 1972 – S. Kuno. On subject-raising in Japanese // *Papers in Japanese linguistics*. 1(1). 1972.
- Kuno 1976 – S. Kuno. Subject raising // M. Shibatani (ed.). *Syntax and semantics 5: Japanese generative grammar*. New York, 1976.
- Landau 1999 – I. Landau. Elements of control. MIT dissertation. 1999.
- Landau 2000 – I. Landau. Elements of control: Structure and meaning in infinitival constructions. Dordrecht, 2000.
- Landau 2003 – I. Landau. Movement out of control // *Linguistic inquiry*. 34. 2003.
- Manzini, Roussou 2000 – R. Manzini, A. Roussou. A minimalist theory of a-movement and control // *Lingua*. 110. 2000.
- Martin 1996 – R.A. Martin. A minimalist theory of PRO and control. University of Connecticut dissertation. 1996.
- Martin 2001 – R.A. Martin. Null case and the distribution of PRO // *Linguistic inquiry*. 32. 2001.
- Minor 2004 – S.A. Minor. Lexical semantics and choice of controller // *Первая российская конференция по когнитивной науке. Материалы*. Казань, 2004.
- O'Neil 1997 – J. O'Neil. Means of control: Deriving the properties of PRO in the minimalist program. Harvard University dissertation. 1997.
- Polinsky, Potsdam 2002 – M. Polinsky, E. Potsdam. Backward control // *Linguistic inquiry*. 33. 2002.
- Polinsky, Potsdam. 2002 – M. Polinsky, E. Potsdam. Backward control: Evidence from Malagasy // *Cornell working papers in linguistics*. 19. 2003.
- Postal 1974 – P. Postal. On raising. Cambridge (Mass.), 1974.
- Rizzi 1986 – L. Rizzi. On chain formation // H. Borer (ed.). *Syntax and semantics 19: The grammar of pronominal clitics*. New York, 1986.
- Rosenbaum 1967 – P.S. Rosenbaum. *The grammar of English predicate complement constructions*. Cambridge (Mass.), 1967.
- Ruwet 1972 – N. Ruwet. *Théorie syntaxique et sémantique de français*. Paris, 1972.
- Tanaka 2002 – H. Tanaka. Raising to object out of CP // *Linguistic inquiry*. 33. 2002.
- Ura 1996 – H. Ura. Multiple feature-checking: A theory of grammatical function splitting. MIT Doctoral dissertation. 1996.
- Zaenen et al. 1985 – A. Zaenen, J. Maling, H. Thráinsson. Case and grammatical functions: The Icelandic passive // *Natural language and linguistic theory*. 3. 1985.

C.A. Минор